

Л.В.Поляков,
доктор философских наук,
Московская высшая школа
социальных и экономических наук

Парадокс гражданского общества в России

Во всех попытках понять смысл последнего десятилетия XX в. (ознаменовавшегося чуть ли не мгновенным исчезновением "Второго мира"), определить цель и направленность "переходного периода" неизменно присутствует своего рода "классический" набор: рыночная экономика, правовое государство и гражданское общество. Эта триединая цель (для России с добавкой перехода от "империи" к "национальному государству") выражает существо так называемого "демократического транзита", и продвижение к ней служит единственным критерием определения как "демократичности", так и "транзитности" каждой страны из бывшей "мировой системы социализма".

Следует отметить, однако, что целевое триединство демократического перехода содержит в себе существенно разнокачественные компоненты. Так, если в отношении продвижения к рыночной экономике существует довольно четкая и эффективная система показателей, позволяющая чуть ли не математически определять степень и качество "рыночности" (стандартный набор критериев, используемых при приеме новых членов во Всемирную торговую организацию), то в случае с правовым государством говорить о такой системе становится значительно труднее. Экономический универсализм — стимул и мотор глобализации — явно недостижим в политической сфере. И в самом деле, как быть с плюрализмом современной политической системы, в рамках которой конституционная монархия (например, Великобритания) оказывается на несколько порядков более "правовым государством", нежели парламентская или президентская республика (любое "новое независимое государство")? Не следует ли рекомендовать восстановление монархии как более надежный путь к демократии?

В отношении "гражданского общества" трудности увеличиваются уже в геометрической прогрессии. Применимость этого понятия в качестве ясного критерия демократизации в странах бывшего "Второго мира" (да и вообще — не "Первого") оказывается под большим вопросом, поскольку содержательно оно чересчур избыточно, а формально — слишком бедно. В первом случае оно как бы "закрывает" собой реальность данного общества и чуть ли

не отменяет его вообще, отказывая в праве называться "гражданским". В другом, т.е. применяемое формально, оборачивается непредвиденным парадоксом усиления всепроникающего контроля "государства".

Этот парадокс наглядно представлен в странах Магриба и Ближнего Востока. Как отмечает К.Викторович, этот регион сегодня является одной из "площадок", на которых проходит эмпирическую проверку концепт "гражданское общество", понимаемый в качестве "механизма наделения коллективной властью" ("collective empowerment"), который повышает способность граждан защищать свои интересы и права от произвола и капризов государственной власти¹. США относятся к этому эксперименту с оптимизмом и направляют существенные ресурсы различным негосударственным организациям в странах региона. Однако исследователь приходит к довольно-таки обескураживающему выводу. В таких странах, как Египет, Марокко, Алжир, Иордания, существующие режимы во избежание неконтролируемого народного протеста довольно охотно пошли на разрешительную практику создания организаций, формально относящихся к "гражданскому обществу". Но дальше включился в игру непредвиденный механизм инкорпорации этих организаций в наличный политико-правовой институциональный дизайн. "Однажды возникнув, — пишет К.Викторович, — эти организации были вовлечены в паутину бюрократических практик и правовых кодов, которые позволяют власти отслеживать и регулировать коллективную активность. Эта паутина снижает возможность вызова государству со стороны гражданского общества за счет того, что делает большую часть коллективной активности видимой для административного аппарата. При таких обстоятельствах институты гражданского общества являются в большей степени инструментом государственного социального контроля, нежели механизмом наделения коллективной властью"².

В России 90-х годов с "гражданским обществом" произошел не менее любопытный казус, обернувшийся достаточно трагическим парадоксом. Активисты демократического движения, после короткого периода "хождения во власть" отдельных наиболее ярких своих представителей, скоро обнаружили, что использование демократических выборных процедур как раз "демократов"-то к власти и не приводит. А "сдуревшая Россия" голосует так, что сама возможность августа-91 оказывается, буквально по Черчиллю, "мистической загадкой". Осознав это, "демократическая оппозиция" на руинах собственной мечты начала строить новый идеал — "гражданское общество" как синоним противогосударственной де-

¹ *Wictorovicz Q.* Civil Society as Social Control. State Power in Jordan // *Comparative Politics*. 2000. Oct. P. 43.

² *Ibid.*

мократии. И тем самым внесла свою весомую лепту в замедление процесса построения в России правового демократического государства.

Любопытно, однако, что в сознании самой "демократической оппозиции" этот процесс предстает в обратной перспективе. Например, так: «Десять лет побед "реформ и демократии" оказались временем, когда объективные предпосылки демократического развития, медленно и с трудом вызревавшие в обществе в течение 60-80-х годов, были подорваны. По сравнению с 1991 г. движение назад очевидно. В конце 80-х годов люди не только надеялись на перемены, но и действовали. Возникали зачатки гражданского общества. Нынешняя апатия большинства населения — не случайна. Это не просто усталость от перемен. Произошло нечто гораздо более трагическое. Общество потерпело поражение в попытке освободиться от государства»¹.

Это чрезвычайно ценное и честное признание. В устах одного из лидеров российских новых левых с безупречным диссидентским прошлым оно ценно вдвойне. Вольно или невольно, осознанно или нет, но именно так — как "освобождение от государства" — воспринимали многие участники демократического движения 1989-1991 гг. смысл своей политической активности. И еще больший парадокс заключается в том, что именно в этой среде дольше всего держалась (отчасти удерживается и до сих пор) убежденность в том, что "развал СССР", осуществленный Б.Ельциным (конечно же, в личных корыстных целях!), был срывом реальной демократической перспективы для России.

Этот своеобразный "демократический империализм" объясняется, по-видимому, тем, что СССР реально не был и не воспринимался как "государство". А когда после августа-91 и принятия Конституции в декабре 1993 г. началось с нуля строительство действительно российского государства, "демократическая оппозиция", памятуя о том, что "власть отвратительна как руки брадобрея", предпочла остаться с "чистыми руками" и с противогосударственным идеалом "гражданского общества".

Результат не замедлил сказаться уже в декабре 1995 г. Предок нынешних правых либералов "Выбор России", объединявший тех, кто взял на себя смелость и ответственность за реформы, смутировал в "Демократический выбор России" и набрал на думских выборах 3,9%. Расплющенный между "демократической" и "национально-патриотической" оппозициями, российский либерализм уступил инициативу строительства демократической государственности тем, кто либо боролся с государством под знаменем "Гражданского общества", либо открыто провозглашал своей целью восстановление СССР.

¹ Кагарлицкий Б. Реставрация в России. М., 2000. С. 56.

И это еще один парадокс, ибо против единственных сознательных и убежденных созидателей российской государственности¹ — либералов-реформаторов объединились *de facto* борцы с государством от имени "гражданского общества" и гипергосударственники — коммунисты. Относительно последних же справедливо подмечено: "Все странности в действиях КПРФ объясняются ее поистине парадоксальным положением в нынешней политической системе. По уровню своего развития она является практически состоявшейся структурой гражданского общества, которое нарождается в нашей стране, единственной полноценной парламентской партией в России. И в то же время она построена на идеологии, принципиально враждебной гражданскому обществу"².

Каким же образом бесспорно важная и благородная цель превратилась в России в утопическую мифологему, в реальности сыгравшую достаточно сомнительную роль в деле демократического государственного строительства? Первое, что напрашивается, это признание неясности и неопределенности самого словосочетания "гражданское общество", благодаря чему оно и оказалось способным встраиваться в самые разные (иногда даже взаимоисключающие) политические "дискурсы". До сих пор с этой констатации начинаются в российских научных журналах статьи по данной проблематике³.

Второе — это превращение "гражданского общества" в боевой клич, в лозунг антитоталитарной (пусть даже "бархатной") революции периода 1989-1991 гг. Как отметил Э.Геллнер, в это время одно из фундаментальных и основательно подзабытых понятий политической науки вдруг обрело на востоке Европы вторую жизнь в виде лозунга, подхваченного массами, никогда не читавшими ни Локка, ни Гегеля. "В таком внезапном превращении, — писал он, — нет никакой особенной тайны. Просто состояние общества, определяемое этим понятием, приобрело сегодня необыкновенную ценность, наполнилось актуальным политическим содержанием"⁴.

Э.Геллнер безусловно прав. Два магических слова стали популярными, особенно в бывших странах "народной демократии", в которых, в отличие от советского тоталитарного режима, сохранялись

¹ Вот как определял Е.Гайдар себя и "свою команду" в 1994 г.: "Я уже писал, что считаю себя и своих единомышленников русскими государственниками и патриотами. Считаю так по простейшей причине — главной нашей задачей вижу решение стратегических проблем государства, доведение до конца рыночных реформ и построение устойчивого, динамичного, богатящего общества западного типа в нашей стране" {Гайдар Е. Государство и эволюция. М., 1997. С. 217}.

² Малкин Е., Сучков Е. Основы избирательных технологий. М., 2000. С. 390.

³ Ср.: "Гражданское общество относится к категории явлений, в осмыслении которых пока не достигнута необходимая теоретическая ясность" {Володин А.Г. Гражданское общество и модернизация России // Полис. 2000. № 3. С. 104}.

⁴ Геллнер Э. Условия свободы: Гражданское общество и его соперники. М., 1995. С. 11.

и частная собственность, и пусть декоративная, но все же многопартийность. Непосредственно на постсоветском пространстве идеал "гражданского общества" был воспринят массовым сознанием в значительно более умеренных степенях. Но интуитивно оно и здесь воспринималось как воплощение "институционального и идеологического плюрализма, препятствующего установлению монополии власти и истины и уравнивающего центральные институты"¹.

Но так было лишь до августа-91. А затем, после одномоментной ликвидации КПСС и последовавшего вскоре роспуска СССР возникла совершенно нестандартная, с точки зрения традиционных теорий "демократического транзита" и "сравнительной политики", ситуация. Вместо долгой борьбы "общества" с авторитарным государством, предусмотренной теорией демократизации "третьей волны" и поэтому акцентирующей в качестве первоочередной задачи формирование институтов именно "гражданского общества", в России случилось непредвиденное — исчезновение "государства" как такового. И не случайно именно Съезд народных депутатов (исторически обреченный "римейк" Съезда Советов раннебольшевистской поры) в конце 1991 г. предоставил почти диктаторские полномочия Президенту Б.Ельцину сроком на один год. Реальность требовала не борьбы с "государством", а срочного создания хоть сколько-нибудь дееспособного государства. Иначе — дальнейший развал (сепаратисты во главе с Д.Дудаевым уже к тому времени объявили о выходе Чечни из состава Российской Федерации) и возвращение к исконному смыслу термина "гражданское общество".

Стоит отметить любопытный момент в дискуссиях о характере российских реформ. В них солидное место занимает толика "дикого рынка" и "первоначального накопления". Авторы различных политических убеждений по-разному оценивают старт российского капитализма, и, естественно, сравнения с раннекапиталистической ситуацией конца XVIII в. обыгрываются чаще всего не в пользу современной России. Достаточно прочитать соответствующие страницы наиболее теоретичной работы на эти темы — книги Ю.Н.Давыдова "Макс Вебер и современная теоретическая социология", чтобы почувствовать и вектор исследования, и вектор "отвращения"...

Но парадоксальным образом именно в этой максималистски антилиберальной работе, буквально огнедышащей ненавистью в отношении «ельцинско-гайдаровско-чубайсовской "рыночной революции"», сказано то, без чего адекватное понимание смысла и перспектив "гражданского общества" (и как понятия, и как институтов) в современной России оказывается, на мой взгляд, принципиально невозможным. Ю.Н.Давыдов напоминает: «Перестройка сразу же начинала обнажать тот тщательно скрываемый факт, что тоталитаризм обеспе-

Геллер Э. Указ. соч. С. 13.

чил нашей стране "научно-технический прогресс" (который до сих пор фигурирует как последний аргумент в пользу сталинизма) ценой крайней социальной деградации: низведения общества к дообщественному состоянию "войны всех против всех", "узаконенной" в форме растянутой на десятилетия необъявленной гражданской войны... Вот действительно наследие, которое оставил нам "Бождь"... От этого наследия предстоит еще дорасти до общественного состояния. Точно так же, как нужно еще дорасти до гражданского общества, чтобы можно было осмысленно поставить вопрос о правовом государстве»¹.

Вот в строжайшем соблюдении этой последовательности — сначала из "дообщественного состояния" дорасти до "гражданского общества", а затем двигаться к правовому государству — и заключается вся уникальность и специфичность российской реформы. Да, в России практическая задача до сих пор состоит не в том, чтобы строить "гражданское общество" на фундаменте "демократии" и "рыночной экономики", тем самым реализуя универсальную моральную цель². И не в том, чтобы, избегая культурно-исторической ограниченности понятия "демократия", строить вместо него "гражданское общество" как альтернативу обществам "сегментарным" и "централизованным"³. И, конечно, пока еще не в том, чтобы "восстановить авторитет государства" или осуществить его "ремонт"⁴.

Все значительно проще и примитивней: из гоббсовской "войны всех против всех" или так называемого "естественного состояния" (*State of Nature*), доставшегося нам от СССР, необходимо еще завершить переход в "гражданское общество" (*Civil Society*) как альтернативу этой "войне". Нам еще предстоит учредить своего "Левиафана", т.е. отказаться от того, что Э.Берк считал основным признаком "естественного состояния" — от права выступать судьей в своем собственном деле и передать это право "государству".

Именно этот первоуродный смысл "гражданского общества" не был принят в расчет ни практиками позднесоветского "демократического движения", ни теоретиками, продолжающими прилагать к современным российским реалиям те или иные определения "гражданского общества", заимствованные из практики западного общества позднего модерна. А между тем западные исследователи уже вполне внятно начинают обрисовывать российскую (постсоветскую) специфику, предупреждая против методологии вневременного и внестадийного компаративизма.

¹ Давыдов Ю.Н. Указ. соч. С. 464.

² Так определял "гражданство" и "гражданское общество" в одной из своих речей Ральф Дарендорф, см.: Дарендорф Р. После 1989. Размышления о революции в Европе. М., 1998. С. 71.

³ Этот подход развил Э.Геллнер. См.: Геллнер Э. Указ. соч. С. 21.

⁴ См.: Скидельски Р. Дорога от рабства: Об экономических и политических последствиях краха коммунизма. М., 1998. С. 193.

Так, Ч.Кинг в обзоре работ по проблематике "посткоммунизма", отмечает: "Миграция на восток сравнительно-транзитных исследований имеет тенденцию спрашивать, что опыт других регионов может сказать исследователям Восточной Европы, вместо того, чтобы задаваться вопросом о том, как теории, извлеченные из другого исторического опыта, могут быть обогащены в посткоммунистическом контексте. Они недооценивают трудностей построения новых режимов в мультиэтнических контекстах и переоценивают полезность гражданского общества как объяснительной переменной (особенно в обстоятельствах, в которых жизнеспособные, глупо укорененные негосударственные организации оказываются решительно негражданскими)"¹.

Пора, видимо, признать, что время лозунгов прошло. И что именно ради того, чтобы сам лозунг все-таки когда-нибудь воплотился в жизнь в нашей стране, сегодня следует просто смириться с тем, что мы строим "гражданское общество" в его изначальном и — для Запада — само собой разумеющемся смысле. Может быть, так будет правильной для всех — и в смысле научной констатации, и в смысле гражданской позиции. И в смысле ответа на вопрос — кто и куда сегодня должен вести Россию?